

УДК 93/94 Шемјакин А. Л.
94(497.11):930(470)"1971/..."
DOI <https://doi.org/10.31212/zradova.17.rusijaisrbija.fro.121-128>

Марина Михайловна ФРОЛОВА, к.и.н.
Институт славяноведения РАН
marinafrolova59@mail.ru

др Марина Михајловна ФРОЛОВА
Институт за словенске студије Руске академије наука

**А.Л. Шемякин – как автор серии коллективных трудов
„Славяне и Россия“**

**А. Л. Шемјакин као аутор серије зборника радова „Словени и
Русија“**

Серия коллективных трудов „Славяне и Россия“ появилась как следствие ежегодно проводимых в Отделе истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время Института славяноведения РАН Никитинских чтений в память профессора Сергея Александровича Никитина (1901–1979), который внес весомый вклад в развитие российского славяноведения, способствуя возрождению этого направления исторической науки, почти уничтоженного в СССР к середине 1930-х годов. Никитин стал одним из основателей Института славяноведения АН СССР, в котором возглавил сектор истории зарубежных славянских народов периода феодализма и капитализма. Не случайно поэтому в 1971 г. в честь 70-летнего юбилея выдающегося ученого его коллеги провели конференцию и опубликовали сборник статей: „Славяне и Россия: К 70-летию С.А. Никитина“. После его смерти, в память о нем созывались конференции: в 1991 г. – к 90-летию со дня рождения С.А. Никитина, в 2001 г. – к 100-летию и в 2011 г. – к 110-летию. Именно с этого года Отделом истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время было решено проводить ежегодные Никитинские чтения, на которых бы рассматривалась проблематика, входившая в широкий круг исследовательских интересов Сергея Александровича: история южных славян, русско-славянские связи в XIX в., политика России на Балканах. Отдел стал выпускать сборники материалов по итогам конфе-

ренций под общим названием „Славяне и Россия“, которые ныне составляют уже целую серию.

Одним из постоянных участников Никитинских чтений и авторов этих трудов являлся Андрей Леонидович Шемякин (1960–2018), доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института. Еще до появления вышеуказанной серии, в 2001 г., он выступил с докладом „Тайная миссия Н.Н. Раевского на Балканах в 1867 г.“. Тогда он работал над книгой „Смерть графа Вронского. К 125-летию Сербско-турецкой войны 1876 г. и участия в ней русских добровольцев“. В монографии восстанавливался жизненный путь Н.Н. Раевского (1839–1876), внука прославленного героя Бородинской битвы, добровольца, воевавшего и погибшего в Сербии в 1876 г. В докладе же, а затем в статье Шемякин осветил секретную миссию Раевского на Балканы, о которой в литературе было почти не известно. Андрей Леонидович всегда много и плодотворно работал в отечественных архивах, благодаря чему в фонде Военного министерства и в личном фонде графа Н.П. Игнатьева, посла Российской империи в Константинополе (в Государственном архиве Российской Федерации) он обнаружил две копии записки Раевского, поданной в 1867 г. директору Азиатского департамента П.Н. Стремоухову. Название этой записки весьма красноречиво – „О необходимости посылки русских офицеров в Турцию для помощи славянам в борьбе против турок“. Однако исполнение предложенного плана не состоялось, а Раевский выехал на Балканы в качестве частного лица, которого видный деятель Московского Славянского благотворительного комитета И.С. Аксаков обеспечил необходимыми связями и контактами. Шемякин, опираясь на комплекс архивных документов, убедительно опроверг версию, распространенную в сербской историографии, о том, что в 1867 г. русский офицер якобы был послан в Белград военным министром Д.А. Милютиним по приказу императора Александра II. Андрей Леонидович проанализировал и другой в высшей степени оригинальный, по его мнению, план Раевского, предложенный им Н.П. Игнатьеву и генерал-майору М.Г. Черняеву, а именно „Проект организации восстания на Балканском полуострове“. Историк отметил не только целую систему продуманных и по-военному четких мер, разработанных русским офицером, по организации и тактике восстания, но и политическую дальновидность автора проекта, который, поднимая на восстание всех славян против Османской империи, стремился заручиться нейтралитетом со стороны турецкого населения. Практи-

ческие наработки Раевского, который объехал западные Балканы с инспекционной целью, остались без применения в связи с изменившейся обстановкой в регионе. Шемякин разделял мнение С.А. Никитина, который назвал балканские деяния Раевского и стоявшего за ним И.С. Аксакова „самыми крупными актами политической деятельности славянских комитетов, за исключением съездов 1867–1868 гг.“. Хотя, отмечал Шемякин, Никитин даже не подозревал о поездке Раевского в Сербию и Боснию.¹ Факт секретной миссии в 1867 г. убедительно свидетельствовал и о том, что в 1876 г. русский офицер отправился в Сербию добровольцем глубоко осознанно и мотивированно, а не под влиянием эмоций.

В 2011 г. состоялась конференция, посвященная 110-летию со дня рождения С.А. Никитина, но на публикацию очередного сборника у Института славяноведения на тот период не было средств. А Андрей Леонидович сообщил, что у него находится экземпляр верстки книги Никитина „Русское общество и вопросы балканской политики России. 1853–1876 гг.“. Выход этой монографии планировался на 1948 год, но советская цензура ее не пропустила, и набор был рассыпан. Единственный уцелевший экземпляр хранился сначала в архиве Никитина, затем у сотрудника Института славяноведения А.Н. Горяинова (1978–2009 гг.), который, уходя на пенсию, передал его Шемякину. Именно это обстоятельство – необходимость публикации указанной монографии после стольких лет забвения – побудило сотрудников Отдела истории славянских народов Юго-Восточной Европы в Новое время обратиться за материальной помощью в Фонд „Русский мир“, который не отказал в выделении гранта на ее издание. Следует подчеркнуть, что вышедший сборник „Славяне и Россия: к 110-летию со дня рождения С.А. Никитина“ и положил начало серии „Славяне и Россия“.

В этом сборнике был опубликован целый ряд статей, в том числе статья А.Л. Шемякина „По стопам С.А. Никитина („славянская Москва“ и Сербия в 1878–1917 гг.)“, в которой содержался анализ московско-сербских контактов в 1878–1917 гг., но не в формате официальных межгосударственных отношений, а в общественном аспекте. То есть, эта работа хронологически продолжила тему, которая исследовалась в классической монографии С.А. Никитина „Славянские комитеты в России в 1858–1876 годах“ (М., 1960).

1 Шемякин А. Л., „Тайная миссия Н.Н. Раевского на Балканах в 1867 г.“, *Профессор Сергей Александрович Никитин и его историческая школа*, Москва 2004, 245.

Шемякин осветил деятельность И.С. Аксакова после 1878 г. вплоть до его кончины в 1886 г., доказательно оспорив мнение, распространенное в литературе, о том, что Аксаков отошел от активной борьбы и занимался исключительно публицистикой. Андрей Леонидович показал, что „Аксаков оставался верен себе, пребывая в активной, хотя и изолированной, оппозиции правительственному курсу. То была угасающая инерция некогда мощного движения, с лежавшей в его основе общественной доминантой. Только неприятель после Берлина изменился – вместо Турции он теперь бился против Вены.“² Эта цитата, содержащая значимый вывод, является также примером яркого стиля ученого. Большое счастье для читателя, когда автор обладает даром великолепного рассказчика и легким пером.

После 1878 г. Москва уступила северной столице лидерство в деле поддержки южных славян в лице Санкт-Петербургского славянского благотворительного общества, которое возглавил граф Н.П. Игнатьев. Шемякин показал процесс угасания или деградации Москвы как единого центра славянского общественного движения на протяжении 1878–1912 гг. Вместо авторитетного Московского славянского комитета возникали общества, названные историком, „невнятными“, которые возглавляли „опереточные“ фигуры типа председателя „Славянского вспомогательного общества в Москве“ А.И. Череп-Спиридовича, офицера флота в отставке, „пароходного дельца и католика“³ (выделено А.Л. Шемякиным). И деяния у этих обществ были соответствующие: вместо Этнографической выставки 1867 г. (имевшей вес и значение славянского съезда) в Москве в 1912 г. был с помпой проведен III Всеславянский конгресс пчеловодов. Это общество осталось в стороне и от возродившегося движения в Москве в поддержку славян в связи с начавшимися Балканскими войнами, которые всколыхнули москвичей. Реальную помощь южным славянам оказывал Московский славянский комитет, во главе которого встал городской голова Н.И. Гучков (1905–1912 гг.). Андрей Леонидович осветил некоторые из его акций: День славянского флага – „сбор пожертвований для оказания помощи больным и раненым воинам союзных балканских армий“, а также триумфальный прием премьер-министра Сербии Н. Пашича весной 1916 г.

2 Шемякин А. Л., „По стопам С.А. Никитина („славянская Москва“ и Сербия в 1878–1917 гг.)“, *Славяне и Россия: к 110-летию со дня рождения С.А. Никитина*, Москва 2013, 592.

3 Ibid, 597.

Кроме того, в статье было обращено внимание на содержание русско-сербских связей в тот период: на обучение сербской молодежи профессором П.А. Кулаковским в основанной в Белграде Великой школе, на попытки установления торгово-экономических отношений между Сербией и Москвой, на массовые экскурсии сербов (как из Королевства, так и из Австро-Венгрии) в Россию, на гастроли, на возведение памятников русским добровольцам, погибшим в Сербии. И в качестве заключения Андрей Леонидович подчеркнул, что приведенные в его работе данные помогут будущим историкам при написании „продолжения“ „Славянских комитетов“ С.А. Никитина, необходимость в котором, на его взгляд, уже давно назрела.⁴

В 2016 г. состоялись VI Никитинские чтения „Славяне и Россия: Проблемы войны и мира на Балканах. XVIII–XXI вв. К 100-летию со дня рождения академика Ю.А. Писарева“, в следующем году вышел одноименный сборник. Андрей Леонидович представил доклад, а затем статью „Февральская революция в России 1917 г., Корфская декларация и Ю.А. Писарев“. Хотя этот сюжет – история подписания Корфской декларации, казалось, в литературе был рассмотрен достаточно хорошо, однако появление новых источников мемуарного характера позволили Шемякину вновь обратиться к нему и выявить подлинное отношение к декларации ее подписантов: Н. Пашича и председателя Югославянского комитета Анте Трумбича. Несмотря на заявленное совместное стремление к созданию единого и независимого государства сербов, хорватов и словенцев во главе с династией Карагеоргиевичей, основанного на главенстве закона и равноправии „трех племен одного народа“, выявлялось соперничество сторон по главному вопросу – о модели будущего государства и о его гегемоне в нем. После оккупации Сербии австро-германскими и болгарскими войсками в 1916 г., амбиции хорвато-словенской эмиграции резко возросли, и руководители Югославянского комитета посчитали, что Королевство Сербия и югославянские области Австро-Венгрии сравнялись в своем политико-юридическом статусе. До Февральской революции 1917 г. в России сербский лидер пребывал в твердом убеждении, что именно Российская империя сможет в конце войны защитить интересы Королевства перед союзниками. Андрей Леонидович раскрыл причины, по которым новый политический режим в России оказался для сербских властей и лично для

4 Ibid, 607.

Н. Пашича неблагоприятным. Совокупность негативных условий, спровоцированных Февральской революцией, привела к подписанию Корфской декларации. Это был, как подчеркивал Андрей Леонидович, практически *вынужденный* документ.

Поскольку конференция была посвящена памяти академика Ю.А. Писарева, автор статьи не мог не отдать должное его научным заслугам, ведь в отечественной историографии Юрий Алексеевич являлся первым и долгое время практически единственным специалистом по проблеме участия Сербии в Первой мировой войне. Вероятно поэтому в своих трудах он старался охватить чрезвычайно широкий круг вопросов, отчего некоторые из них оказались не вполне раскрытыми, отмечал Андрей Леонидович. К тому же советского ученого сковывала методология марксизма-ленинизма, заставлявшая рассматривать исторические события исключительно через призму Октябрьской революции. Поэтому его трактовка обстоятельств принятия Корфской декларации, по мнению Шемякина, недоисследована на эмпирическом уровне. Но в то же время, академик Писарев, в отличие от югославской (сербской) историографии, и это было позитивом, по мнению Шемякина, отметил факты нелояльности хорватско-словенской эмиграции по отношению к сербскому правительству. Писарев, в частности, опубликовал в русском переводе важнейшие фрагменты „дополнительного меморандума“ Югославянского комитета от 13 марта 1916 г., переданного французским властям. В нем „комитетчики“ пытались добиться признания его Антантой в качестве политического органа, равного по весу и значению сербскому правительству, что лишило бы Сербию функции единственного „объединителя“ („Пьемонта“) всех югославянских земель. А в качестве центра объединения ими предлагался уже не Белград, а Загреб. В заключении своей статьи А. Л. Шемякин заметил, что работы современного историка С.А. Романенко трактуют события в совершенно ином ключе, являясь откровенным панегириком Югославянскому комитету и его главе – совсем в духе бывшей титовской и современной хорватской историографии.⁵

В 2017 г. отмечалось 870-летие со дня основания г. Москвы, и к этому юбилею были приурочены VII Никитинские чтения. Они

5 Шемякин А. Л., „Февральская революция в России 1917 г., Корфская декларация и Ю.А. Писарев“, *Славяне и Россия: Проблемы войны и мира на Балканах. XVIII–XXI вв. К 100-летию со дня рождения академика Ю.А. Писарева*, Москва 2017, 273.

были посвящены теме „Славяне в Москве“. Андрей Леонидович прочитал на конференции доклад „Московские адреса Николы Пашича (1885–1916 гг.)“. А свою статью с внесенной правкой он переслал мне, одному из редакторов сборника, 15 февраля 2018 г. – незадолго до своей скоропостижной кончины. Это была его последняя подготовленная статья, и она стала украшением сборника „Славяне в Москве“.

В ней рассказывалось о визитах и обстоятельствах пребывания Николы Пашича или Николая Петровича, как его величали в России, в Первопрестольной столице. По подсчетам Андрея Леонидовича, сербский лидер побывал в России (официально и неофициально) не менее 13 раз, причем в 1893–1894 гг. провел в ней более года в качестве посланника Сербии. В первый раз он приехал сюда в 1885 г. будучи политическим эмигрантом в Румынии и обрел полное доверие русских общественных (славянофильских) кругов, чему в огромной степени способствовал опальный сербский митрополит Михаил, в 1884–1889 гг. проживавший в России (Киев, Москва).

А через шесть лет, уже в должности премьер-министра Сербии, Н. Пашич, вместе с наместником Йованом Ристичем, сопровождал молодого сербского короля Александра Обреновича в Петербург. Москва, где он задержался на два дня, встретила его торжественно.

Последняя поездка Пашича в Россию состоялась весной 1916 г., в ходе Первой мировой войны. В Москве на Николаевском вокзале городской голова М.В. Челноков (1914–1917 гг.) поднес представителю сербского народа, не сдавшегося врагу, хлеб-соль на серебряном блюде, выполненном в древнерусском стиле и украшенном камнями с такой же солоницей. Это блюдо (впрочем, уже без камней и „солоницы“), подчеркивал Андрей Леонидович, единственное, что сохранилось от многочисленных русских наград и пожалований, которых удостоился Н. Пашич за свою беспримерно долгую политическую карьеру. Оно ныне хранится в Сербии, в Мемориале Николы Пашича в его родном городе Заечаре.

Москва не только широко, хлебосольно и торжественно принимала дорогого сербского гостя, но и щедро одарила его денежными средствами на нужды разоренного войной сербского народа. Московская городская Дума выделила 100 тыс. рубл., Московский славянский комитет вручил Пашичу 50 тыс. руб., Губернская земская управа – 10 тыс. руб.⁶

6 Шемякин А. Л., „Московские адреса Николы Пашича (1885–1916 гг.)“, *Славяне и Россия: Славяне в Москве. К 870-летию со дня основания г. Москвы*, Москва

А.Л. Шемякину как ученому необыкновенно повезло, что еще в начале своего научного поприща он нашел своего героя – Николу Пашича, которого глубоко уважал и почитал. И это помогало ему в скрупулезном, последовательном и тщательном изучении жизненного пути и деятельности великого серба. Любопытна история со сберкнижкой Н. Пашича, на которой лежали „русские деньги“. Она удивительным образом уцелела и ныне хранится в Историческом архиве „Тимокская краина“ в Заечаре. Из ксерокса, снятого с нее и присланного сербским коллегой в Москву, российский историк узнал о судьбе части денег, полученных Пашичем в России в 1916 г. Сберкнижка свидетельствовала еще и о том, что ее владельцу было свойственно чувство благодарности, в отличие от многих других политиков. Н. Пашич завещал, в случае его смерти, употребить хранившиеся деньги – 684.875 дин. сер, и проценты с них – на возведение памятника русскому императору Николаю II в знак благодарности сербского народа.

Действительно, в 1935 г. по проекту архитектора Р.Н. Верховского на Новом кладбище в Белграде был возведен памятник „Николаю II и двум миллионам русских солдат Великой войны 1914 г.“. Однако именно сберкнижка „поведала“, что последняя воля Пашича так и не была исполнена, поскольку памятник, как оказалось, был сооружен не на средства, им завещанные, а деньги с процентами были изъяты после Второй мировой войны, в 1946 г., и счет был закрыт.⁷ Вопросы, поставленные Шемякиным, кто виноват в нарушении условий завещания и куда делись „русские деньги“, остались открытыми.

В ноябре 2018 г. прошли VIII Никитинские чтения „Славяне и Россия. Россия, Болгария, Балканы. Проблемы войны и мира. XVIII–XXI вв. (Мифы и реальность)“. Это тема, по которой плодотворно работал Андрей Леонидович, это хорошая площадка для дискуссий, в которых он всегда участвовал, будучи прекрасным оратором. Конференция прошла уже без участия Андрея Леонидовича. Но будем ценить то, что имеем. И будем благодарны, что в серии „Славяне и Россия“ публиковал свои яркие работы замечательный ученый – Андрей Леонидович Шемякин, всю свою недолгую жизнь посвятивший его величеству Науке.

2018, 262.

7 Ibid, 264.